

УДК 1(091)

СМД-МЕТОДОЛОГИЯ Г.П. ЩЕДРОВИЦКОГО И СОВЕТСКАЯ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ 60-80-Х ГОДОВ XX ВЕКА

О.А. Устинов

ФГАОУ ДПО «Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования», г. Москва

В данной статье СМД-методология Г.П. Щедровицкого рассматривается как практицистская версия марксизма, акцентирующая и развивающая на логико-методологическом уровне базовое положение К. Маркса о социально-деятельной сущности человека. Автором предпринята попытка реконструировать философско-антропологическую концепцию Г.П. Щедровицкого посредством анализа эксплицитных и имплицитных концептов его научных работ и научно-популярных выступлений. Также высказано предположение, что раскрытие «антропологического кода» Г.П. Щедровицкого позволяет выполнить наиболее адекватный анализ СМД-методологии и оценить ее как органическую часть формирующегося в начале XXI века комплексного социогуманитарного знания о человеке в условиях постиндустриального общества, что уже проявляется в активном использовании в современной отечественной педагогике идей Г.П. Щедровицкого как философских оснований компетентностной (деятельностной) парадигмы.

Ключевые слова: философия марксизма, Московский методологический кружок, СМД-методология, проблема человека, целостный человек, целостный субъект, субъективный фактор в истории, общественно-историческая практика, компетентностный подход в образовании.

Период 60-80-х гг. XX в. в истории советской философии был отмечен появлением интереса у академического сообщества к антропологической проблематике. Во многом это было связано с публикацией неизвестных прежде ранних произведений К. Маркса, пронизанных гуманистическим пафосом формирования всесторонне-развитого целостного человека как доминантной цели строительства коммунистического общества. Изучение новых текстов классика стимулировало процесс постепенной коррекции устоявшейся официальной трактовки марксизма как учения главным образом об общественно-экономических формациях, в неумолимой смене которых человек как фактор фактически не существовал и как таковой не рассматривался. Советские марксисты постепенно приступили сначала к осторожному, а потом все более смелому обсуждению идей К. Маркса о личности, творчестве, отчуждении, свободе, сознании и других [19].

Однако эти наметившиеся серьезные перемены стали возможными не столько из-за открытия феномена «молодого Маркса», сколько из-за ослабления партийно-идеологического контроля над наукой на волне демократических импульсов XX съезда КПСС. Попытка своеобразной «антропологизации» философии марксизма уже предпринималась рядом советских теоретиков в 1930-е гг. (наиболее яркой фигурой среди них можно считать академика АН СССР и члена ЦК пар-

тии Н.И. Бухарина [25]), но она была жестко дезавуирована официальными академическими инстанциями как «ревизионистская». После XX съезда КПСС этот процесс в советской философии возобновился и начал набирать обороты. Показательно используемое в научных дискуссиях того времени выражение «антропологическая инфляция марксизма» как иронически-пренебрежительное обозначение вдруг ставшей модной гуманистической тематики [21, с. 49]. В философской жизни СССР, точно так же, как и в его общественно-политической жизни, решительно заявило о себе «поколение оттепели». Интересно, что уцелевшие под идеологическим прессингом 1930-х «творческие марксисты» отмечали проблемно-тематическую взаимосвязь между их философскими стремлениями и философским поиском их преемников [17, с. 14–15].

Одной из наиболее интересных и оригинальных версий антропологических исследований этого периода следует признать решение проблемы человека в контексте системного анализа проблем гносеологии, логики и методологии [6, с. 17–18; 16, с. 29–30]. В конце 1940-х - 1950-е гг. в МГУ им. М.В. Ломоносова – ведущем научном и образовательном центре страны – одновременно и независимо друг от друга сформировались две неформальные научно-исследовательские группы, объединявшие студентов, аспирантов и преподавателей университета. Первую группу – «группу гносеологов» или группу Э.В. Ильенкова – составляли Э.В. Ильенков, В.И. Коровиков, Г.С. Батищев, В.А. Лекторский, Л. К. Науменко, В.М. Межуев, Ю.Н. Давыдов. Вторая группа – «группа А.А. Зиновьева» или «Московский логический кружок» – была образована А.А. Зиновьевым, Г.П. Щедровицким, М.К. Мамардашвили, Б.А. Грушиным.

Работы лидеров обеих групп были посвящены реконструкции диалектического метода, использованного К. Марксом при написании его главного философского и экономического труда «Капитал. Критика политической экономики» [8; 9]. Тезис о том, что именно в «Капитале» имплицитно заложена вся технология Марксова мышления была высказана еще в «Философских тетрадах» В.И. Ленина, но прежде еще никому не приходило в голову извлечь эту технологию из специфически ориентированного материала и представить как уникальную методологию исследования, применимую к любой сфере научного знания. Именно это и было осуществлено лидерами двух групп МГУ, представлявших себя творцами эпистемологической революции XX в. Отсюда был шаг до антропологизации рефлексии и переходу к разговору о необходимости формирования в СССР нового когнитивного типа личности.

Вероятно, поэтому ранние произведения К. Маркса имели для групп Э.В. Ильенкова и А.А. Зиновьева только факультативное значение. Ознакомившись с ними и периодически даже используя отдельные фрагменты из них в своих работах, они глубоко ими не заинтересовались. Похоже, что они рассматривали ранние произведения как полезные для проникновения в лабораторию Марксовой мысли, но сами черпали свои основные идеи из поздних работ классика, справедливо считая, что именно там содержатся его выверенные и законченные максимы. Что же касалось активно развивавшейся антропологической линии в марксизме, то они явно оценивали свою гносеологическую линию в марксизме по сравнению с ней как более продуктивное направление.

В историко-философских исследованиях часто отмечается, что между группами Э.В. Ильенкова и А.А. Зиновьева существовал ряд разногласий. Разногласия действительно имели место. Группа Ильенкова считала предметом философии познание, а не мир. Группа Зиновьева настаивала на том, что предметом философии является и познание и мир, поскольку мир дан человеку через позна-

ние. На наш взгляд, эти разногласия были результатом терминологического непонимания и не затрагивали суть общего и в равной степени важного для них научного поиска.

Кроме того, Э.В. Ильенков и А.А. Зиновьев в полном соответствии с духовной жаждой 1960-х одинаково искренне надеялись на то, что открытый ими метод К. Маркса будет востребован для эффективного изучения и решения социальных и политических вопросов в процессе строительства «социализма с человеческим лицом». Это был уникальный момент в истории советской философской науки. Группа экспертов-теоретиков так или иначе претендовала на определенную самостоятельную роль в политике государства. По свидетельству современников, в наибольшей степени это было выражено у А.А. Зиновьева [18, с. 183] и у Г.П. Щедровицкого [15]. Получалось, что исследования в области логики и методологии были для них главным образом способом приближения к решению общественных задач, и отнюдь не занимали их внимания в отрыве от социальной теории и практики. Другими словами, под мантиями логиков скрывались социальные философы, которые в условиях идеологического диктата не могли открыто и прямо озвучить свои подлинные намерения. Здесь явно давала о себе знать привычная для того периода «тематическая инверсия», когда некая нейтральная тема вуалировалась и отодвигалась на периферию тесно связанную с ней политически неблагоприятную тему. Конечно, это самоопределение было свойственно далеко не всем участникам исследовательских групп МГУ, но очевидно, что этот мотив присутствовал у лидеров.

Аналогичное желание совместить мысль с действием было характерно и для югославской группы «Праксис», члены которой рассматривали идеи К. Маркса об общественно-исторической практике в конкретном приложении к окружающей их социальной действительности: «...человек является “существом практики”, т. е. существом, способным к свободной творческой деятельности, при помощи которой он изменяет мир... Исторические условия могут тормозить этот... Основной целью критического изучения... является открытие внутренних существенных ограничений таких исторических институтов, как государство, рынок, партия, и определение практических этапов, которые приведут к уничтожению этих ограничений» [26, с. 795]. Деятельность группы «Праксис» представляла собой «первый... масштабный проект по противостоянию Иосипу Броз Тито и Иосифу Сталину после Второй мировой войны в вопросах видения социализма...» [10, с. 904]. В конечном итоге амбиции югославских философов относительно влияния на принятие государственных решений привели их к столкновению с властями, за которым последовали репрессии.

В СССР что-либо подобное было исключено. Свободомыслие, выходящее за рамки устоявшихся традиций, жестко пресекалось. Догматики от философии, даже не вникая предметно в деятельность исследовательских групп МГУ, упрекали их в отходе от марксистского канона, интуитивно чувствуя, что в этих сложносочиненных гносеологических конструктах с акцентом на «мужество жить своим умом» рано или поздно вылезут наружу идеи, опасные для «руководящей и направляющей роли» партии. «...мир – есть мир деятельности и мышления людей <...> это и есть суть марксистской <...> позиции, которая не только <...> не распространялась в советских вузах <...> а наоборот, постоянно изничтожалась, поскольку, приняв эту позицию, <...> вы начинаете формировать радикалов и революционеров» [29, с. 68]. Клейма «ревизионистов» были наложены и на группу Э.В. Ильенкова и на группу А.А. Зиновьева, что делало их существование в интеллектуальном пространстве страны проблематичным, а мечтание о каком-либо

влиянии на правительственную политику по югославскому примеру бессмысленным. Начиная с 1940-х гг., никто из «ищущих советских марксистов» не занимал крупную государственную должность – репрессированный академик Н.И. Бухарин так и остался за всю историю советской науки единственным «философом с министерским портфелем».

Если группа Э.В. Ильенкова, несмотря на спорадическую критику со стороны догматиков, продолжала функционировать вплоть до трагической гибели ее основателя, то группа А.А. Зиновьева распалась уже в конце 1950-х гг. по причине расхождения профессиональных интересов ее участников. Единственным хранителем «старого завета» оказался Г.П. Щедровицкий, выступивший с инициативой организации очередной исследовательской группы, которой и стала «школа Г.П. Щедровицкого» – «Московский методологический кружок». Интересно, что Г.П. Щедровицкий воспринимал А.А. Зиновьева как «со-мыслителя», единомышленника, но не как учителя, полагая, очевидно, что их роли в институционализации когнитивной технологии будущего равны.

Г.П. Щедровицкий вырос в семье, принадлежавшей к российской социал-демократии, его родственники участвовали в строительстве «первого в мире государства рабочих и крестьян» вместе с вождями коммунистической партии. И это обстоятельство, по признанию Г.П. Щедровицкого, оказало серьезное воздействие на формирование его «Я-концепции»: он чувствовал в себе призвание творить историю [31, с. 148–149] и мечтал о том времени, когда он будет представлять «определенную социальную или политическую силу» [31, с. 232–233]. По политическим взглядам Г.П. Щедровицкий был близок к диссидентам, осуждавшим авторитарную советскую политику: «...я обязан был перед всеми теми, кто погиб, кто был уничтожен, продолжать эту линию...» [31, с. 303]. Однако с юных лет он избрал обходной путь для борьбы с правящим режимом, намереваясь осуществить своеобразный «перехват сознания» в духе большевистских социально-антропологических опытов: «Вся мировая история учит: революция начинается с идей, т. е. – *в головах!*» [12, с. 84]. «...область моей работы лежит вне политики – она касается значительно более глубоких механизмов» [31, с. 300].

Вся интеллектуальная биография Г.П. Щедровицкого была посвящена созданию технологии нового мышления, которое было тождественно для него созданию «нового человека». «...если <... > появятся люди, которые будут думать таким образом, так жить, действовать и это организовывать, то я буду считать, что я много чего достиг» [29, с. 61]. Г.П. Щедровицкий называл эту технологию «новой логикой» или логикой «содержательно-генетической». По сути, речь шла о творческой разработке диалектической логики К. Маркса. Но Щедровицкий старался избегать понятия «диалектическая логика», поскольку оно ассоциировалось у него с перечнем идеологических штампов. Также поступал и А.А. Зиновьев, прятавший понятие «диалектическая логика» в эвфемизм «комплексная логика». Позднее Г.П. Щедровицкий вообще отказался от термина «логика», введя в научный оборот определение «системно-мысле-деятельностная методология» (далее – СМД - методология), ставшее его авторской версией анализа технологии мышления К. Маркса.

Согласно замыслам Г.П. Щедровицкому, к власти в СССР должна была придти новая интеллектуальная элита, которую он планировал образовать посредством внедрения в сознание своих учеников открытой им технологии мышления – СМД-методологии. Этому тайному научному обществу предстояло достигнуть целей «перехвата сознания» легальными методами, проникая в государственные структуры всех уровней и образуя «теневое правительство». Реализованные адеп-

тами СМД-методологии различные политические, социальные и культурные проекты должны были кардинально и в полном объеме перестроить советский социум и избавить его от извращенных коммунистической партией форм социализма. Г.П. Щедровицкий сравнивал членов этого «тайного общества» с «прогрессорами» из повестей А.Н. и Б.Н. Стругацких, испытывая явные симпатии к придуманным знаменитыми советскими фантастами тайным агентам влияния, направляемых развитыми космическими цивилизациями на отсталые планеты с целью их реформирования [31, с. 288].

Следует отметить, что в литературе не так часто встречается приведённая нами интерпретация его научных и социально-политических замыслов. Как правило, ее обходят, замалчивают или вовсе не замечают. Но в ряде глубоких аналитических работ именно ей уделяется пристальное внимание [20; 22]. Доказывать право на существование этой интерпретации нет необходимости. Г.П. Щедровицкий четко формулировал свою мечту в записных книжках («Я работаю прежде всего для того, чтобы создать новые структуры мышления, более мощные и более отточенные, нежели те, которые были раньше, и наделить ими новые генерации людей [очевидно, это будут новые элитарные группы, выполняющие определенные функции в обществе]» [33]) и делился ею в редких откровенных беседах с ближайшими последователями («Идея была как раз в том, чтобы разобрать устройство социума на узлы и детали, посмотреть, как оно устроено, найти там блок управления, пути подхода к нему, <...> взяться за рычаги и править в нужную сторону <...> Члены новой Восточной ложи должны были проникать во все властные структуры. Вступать в партию. Становиться незаменимыми полезными секретарями при “губернаторе”, советниками, заместителями, идти в выборные органы. Но никогда не забывать, кто они и какова их высокая миссия») [15].

Однако не чуждый идее большевистской мировой революции, Г.П. Щедровицкий перспективы СМД-методологии пределами советского государства отнюдь не ограничивал, рассчитывая, что когда-нибудь его открытия будут приняты всем человечеством.

Дискуссионным, пожалуй, можно считать лишь вопрос о том, насколько истинные далеко идущие цели Г.П. Щедровицкого разделялись всеми участниками «Московского методологического кружка». Скорее всего, учитывая, что эти планы лишней раз не афишировались с учетом принятой в диссидентской среде конспирации, большинство его сторонников о политических основах в их общей научной деятельности не подозревало. Выскажем предположение, что многие из них испытывали интерес прежде всего к технологии мышления как таковой. Таким был, например, И.С. Ладенко, автор «теории интеллектуальных систем» – «интеллектики», которая имела антропологическую и социальную размерность, но не преследовала политических целей [14]. Тем не менее, так или иначе «заговор против власти» проглядывал время от времени в штудиях лидера «Московского методологического кружка» сам по себе, давая повод даже случайным наблюдателям уличать Г.П. Щедровицкого в латентной претензии на государственную политику (И.Н. Голомшток [4]).

Сам процесс формирования «прогрессоров» Г.П. Щедровицкий первоначально, по-видимому, планировал осуществить в рамках некоей экспериментальной педагогической площадки как прообраза инновационной социально-педагогической системы или, другими словами, прообраза новой советской школы. В опубликованной им в газете «Известия» статье с манифестирующим названием «Технология мышления» (1961 г., № 234 [30]) и в подготовленном для печати совместно с коллегами сборнике «Педагогика и логика» (1968) [32] речь шла о

преимущества всестороннего изучения логики и ее взаимосвязи с другими науками с целью синтезирования актуального «целостного знания». Процесс рождения новых когнитивных технологий должен был сопровождаться системными реформами в советском образовании, направленными главным образом на антропотехники. Было очевидно, что за намеченные исследования Г.П. Щедровицкий готов взяться сам в полном сознании меры своей ответственности. Никаких сомнений в правильности обоснованных им решений он не испытывал, сразу же предложив внести соответствующие коррективы в Программу КПСС [30].

Вполне предсказуемо, максималистские устремления Г.П. Щедровицкого были встречены философским официозом резко негативно, а набор сборника «Педагогика и логика» был рассыпан в типографии (полностью работа будет напечатана только в 1993 г.). В этих условиях Г.П. Щедровицкий организовал домашние методологические семинары, которые должны были решать те же задачи, что и несостоявшаяся новая советская школа, т. е. выполнять роль социально-педагогического инкубатора, но, конечно, с несравнимо меньшим охватом аудитории. Деятельность Г.П. Щедровицкого привлекала внимание КГБ СССР, но методологические семинары не были запрещены из-за отсутствия в их работе видимого политического содержания. Расшифровать подлинные смыслы бесед Г.П. Щедровицкого с учениками было не под силу даже специалистам с Лубянки. Лишь в середине 1980-х на волне «горбачевской революции» Г.П. Щедровицкий приступил к осуществлению масштабных педагогических опытов, запустив во многих регионах страны так называемые «организационно-деятельностные игры», о численном контингенте которых в настоящий момент нет точных данных. Также он возглавил специальное методологическое движение, которое подумывал в начале 1990-х перевести в формат политической партии.

Таким образом, именно в лице Г.П. Щедровицкого мы имеем дело с наиболее интересным и наименее известным представителем советской философской науки с точки зрения традиционных для русского марксизма опытов производства «нового человека». В соответствии с нашей гипотезой, именно философско-антропологический проект пребывал в центре всех исследований Щедровицкого, вдохновлял и направлял развитие его мысли. Это становится очевидным, если применить к полипредметному с первого взгляда творчеству Г.П. Щедровицкого «антропологический ключ» – оно немедленно выстраивается как цельное, взаимосвязанное и взаимообусловленное философское учение о «новом человеке».

Как марксист (в юности он переписал от руки весь «Капитал»), Г.П. Щедровицкий был продолжателем линии, рассматривающей философию К. Маркса как «практический материализм», основанный на понимании человека как практически-деятельного субъекта истории и обращающий к нему призыв радикально преобразовать мир. «В нашем реальном мире никогда нет объектов природы, а есть объекты нашей практической деятельности <...> Мы перерабатываем одно в другое <...> И Маркс это четко понял <...> чем дальше развивается человечество, тем меньше остается натуральной природы. Остается только вторая природа, т. е. переделанная человеком <...> В своей деятельности человек преобразует материал природы по своим идеям, замыслам, проектам, по своему идеальному представлению <...> в соответствии со своими потребностями» [28, с. 96]. Эта «практицистская» линия, продолжавшая базовую интенцию Г.Ф.В. Гегеля о свободе субъективности как принципе нового мира, получила развитие в западном марксизме, представленном именами К. Корша, Д. Лукача, А. Грамши, группой «Праксис». Но в советском марксизме с его акцентом на примате объективных условий над субъективным фактором эта линия фактически не проявлялась, за

исключением философских прозрений В.И. Ленина о подлинной сущности теоретического наследия К. Маркса. Таким образом, «практицистский» марксизм Г.П. Щедровицкого представлял собой редкий феномен в контексте философской мысли в СССР того периода.

Утверждение идеи о безусловной важности (первичности) субъективного фактора в истории требовало от Г.П. Щедровицкого точного и развернутого ответа на краеугольный вопрос о границах воздействия человека на физическую и социальную материю. Щедровицкий, как правило, старался придерживаться классического решения К. Маркса о свободе как познанной необходимости. История изображалась им как *«искусственно-естественный»* «кентавр-процесс», представляющий собой сложный и постоянно изменяющийся синтез объективных и субъективных факторов развития: «традиционная научная точка зрения, рассматривающая окружающий мир как живущий по законам природы, является односторонней абстракцией. Но и чисто технический подход, когда мы рассматриваем все объекты как только <...> творимые нами, точно так же является односторонним подходом. Нужно взять то и другое вместе, в “склеяке” одного с другим» [28, с. 97].

Но за всеми «каноническими» цитатами, то тут, то там проскальзывала амбиция на радикальную и тотальную «переделку мира», сообщавшая умозаключениям Г.П. Щедровицкого тень субъективного идеализма. Не случайно исследователи идентифицируют СМД-методологию как постфихтеанство [1, с. 702], проводят личностные параллели между ее создателем и И.Г. Фихте [13, с. 105-106]. Субъективные факторы всегда рассматривались Г.П. Щедровицким как определяющие. «...все то, что принято называть “вещами”, “свойствами”, “отношениями” и т. д. лишь временные “сгустки”, создаваемые *человеческой деятельностью* на базе захваченного и ассимилируемого ею материала», «...деятельностное представление является более широким, оно включает и объясняет натуралистическое представление...» [27, с. 279–280]. Как теоретик, нацеленный прежде всего на социальный результат и мечтавший о государствообразующей практике, что весьма роднило его с Лениным, Г.П. Щедровицкий не терпел смирения перед какими-либо трудностями в виде объективных закономерностей: «марксистское убеждение, которое для меня очень важно и образует <...> сердцевину моего <...> мировоззрения <...> то, что есть мир, и задача состоит в том, чтобы его переделывать» [29, с. 92].

Будучи фанатичным и даже экспрессивным гносеологическим оптимистом, Щедровицкий уверял, что средства логики способны преодолеть проблемы любого уровня сложности, даже те, перед которыми пасовали выдающиеся философские умы прошлого. Весь вопрос лишь в степени их разработанности, в наличии «правильной теории»: «...если ты не так мыслишь, то ты ничего не получаешь» [29, с. 135]. Как «символ веры» он повторял кредо рационалистов Нового времени «Кто знает все, тот может все. Только бы узнать – и крылья будут». То, что такая «правильная» теория достижима, Г.П. Щедровицкий ни на минуту не сомневался. Он полагал, что СМД-методология аккумулирует в себе подлинные законы, правила и принципы мышления, которые существуют также объективно и непреложно, как сама природа («нечто вроде “логической формы движения материи”» [29, с. 121]). Иначе говоря, в СМД-методологии логика впервые в истории становится сама собой. Вероятно, этим убеждением и объясняется претенциозное высказывание Г.П. Щедровицкого: «Между мной и Аристотелем никого нет». Если древнегреческий философ вывел основные формы организации мысли, то его далекий советский последователь довел их до совершенства, проанализировав их, представив в эволюции и соединив с необходимостью содержательного погружения в тот или иной предмет. Поэтому, как точно подметил К.А. Крылов, под «ме-

тодологией» у Г.П. Щедровицкого понималось не «учение о методе», а «учение о познании и преобразовании всего» – «мета-до-логия» [11].

По Г.П. Щедровицкому, использование подлинных структур и механизмов мышления в практике позволяет наиболее эффективно преобразовывать любые процессы и явления. Собственно, поэтому сверхцелью Щедровицкого и была разработка СМД-методологии именно как инструментария к обретению подлинного знания об универсуме, по отношению к которой все прочие проблемы являются частными, производными. Дистанции между «правильной» теорией и практикой для Г.П. Щедровицкого не было как таковой. «Надо начинать с идеи. Потом разворачивать ее в систему реализационных программ и проектов; и затем осуществлять в форме социального действия» [29, с. 93].

Одним из обязательных этапов СМД-анализа было изображение процесса на доске в символически-знаковой форме. Интересно, что это схема считалась не отдаленной, условной копией реальности в соответствии с максимой И.В. Гете «Суха, мой друг, теория везде, / А древо жизни пышно зеленеет!», а верифицированным и адекватным графическим воспроизведением этой реальности, более ни в чем не нуждающимся: «конструирую, и в этом плане я выступаю как Господь Бог», «я рисую изображение и говорю, что мир устроен так, как я его изобразил» [22, с. 218, 236]. Призыв Г.П. Щедровицкого «взять все эти схемы, начать накладывать их в определенном порядке на реальность и видеть реальность через эти схемы и с помощью этих схем» [28, с. 143] был, таким образом, тождественен призыву к практическому переустройству мира.

Всю наличную науку Г.П. Щедровицкий представлял как свод бесполезных, мертвых догм, не стесняясь в выражениях относительно ее последующей судьбы. «...Наука – есть дерьмо вообще, а в Советском Союзе, так двойное дерьмо», «...употребляется наука для уничтожения активного начала в человеке...», «...наука <...> сгнила в собственном движении», «надо предоставить науке умереть самой! <...> и начать вонять так, что это будут чувствовать все» [29, с. 97, 193, 65]. Г.П. Щедровицкий вообще был склонен к отталкивающим резким высказываниям в духе большевистского «кто не с нами, тот против нас». Кажется, он не терпел самого понятия «научный закон», числа его по ведомству презируемого им «натурализма». Ведь «закон» в понимании Г.П. Щедровицкого был взаимосвязью между событиями, явлениями и объектами, которую каждый раз по-новому создает адепт СМД-методологии. Методолог «работает над собственной деятельностью и собственным мышлением, меняя их, трансформируя, создавая новые формы – сначала в мысли, а потом в реализации», «время науки кончилось. На ее место выходит методология» [29, с. 337]. Поэтому истин может быть много, они носят авторский, технический характер. В связи с этим Щедровицкий предлагал отказаться от изжившей себя «онтологии естественнонаучного подхода» в пользу «онтологии искусственно-технического подхода» с упором на «инженерную работу», отведя на полную замену одной картины мира на другую «ближайшие 200, 300 или 400 лет» [29, с. 156, 164].

«Новый человек», он же – методолог, рассматривался Г.П. Щедровицким как целостный субъект, воплощающий в своей деятельности единство мысли и действия и призванный стать творцом исторического процесса. Имея в виду, что генерация новых людей предполагала некие изменения в самом социокультурном развитии человеческого рода, «нового человека» Г.П. Щедровицкого можно определить как «человека креативного», используя наиболее близкий по смыслу термин из аналогичной СМД методологии в части философско-антропологических целей теории А. Грамши [5]. Таким «человеком творцом» был для

Г.П. Щедровицкого император Петр I, предтеча советских методологов в XVIII в. [29, с. 93]. Также он упоминал К. Маркса, но В.И. Ленина статусом мотивационного примера политика-преобразователя по каким-то причинам не наделял.

Интересно, что под «новым человеком», «Демиургом истории» Г.П. Щедровицкий понимал некий тип менеджера – специалиста в области управления, владеющего компетенциями, главной из которых была способность учиться чему угодно и в любых условиях при достигнутом уже определенном уровне использования логических навыков. Щедровицкий «констатировал», что такому «совершенному» менеджеру достаточно будет его когнитивных практик для того, чтобы вникнуть в суть рассматриваемой проблемы, даже не будучи глубоко знакомым с содержательной стороной вопроса. «Маркс никогда в жизни не был ни на одном промышленном, производящем что-либо предприятии <...> Никогда ни на одном. И это не мешало ему описывать, вплоть до конкретных деталей, положение рабочих, капиталистов и т. д. Больше того, я рискнул бы сказать, что для того чтобы иметь точное знание, не надо видеть» [28, с. 181]. Разработку этих практик в рамках СМД-методологии Г.П. Щедровицкий увязывал с запросами «постиндустриального общества», «экономикой, основанной на знаниях», где субъектом номер один должен стать как раз специалист в области управления. Здесь СМД-методология перекликалась с корпусом идей западной социологии и футурологии (Ф. Махлуп, А. Берли, Э. Тоффлер и др.) притом, что Г.П. Щедровицкий отрицал какие-либо заимствования из этого источника, заявляя, что фундаментом всех его идей являлась исключительно технология мышления К. Маркса.

В 2000-е гг. СМД-методология с ее философско-антропологическим идеалом начала активно использоваться в педагогических исследованиях как философская база для обоснования новой компетентностно-деятельностной парадигмы, внедряемой в систему образования сторонниками ее модернизации [23]. Адепт СМД-методологии был распознан ими как генетический предшественник «разносторонне развитой, образованной и коммуникационно-компетентной личности». Это утверждение справедливо, поскольку Марксова «целостная субъектность» во многом и есть провозглашенная российской школой цель ее десятилетнего труда над учащимся. Таким образом, обращение к трудам Г.П. Щедровицкого обусловило опосредованную, латентную, но, тем не менее, очень активную рецепцию марксистских идей в российской педагогике. Это обстоятельство не осознается, но не перестает быть от этого фактом нашей современной интеллектуальной жизни, указывающим на продолжающееся развитие идей К. Маркса и после распада СССР.

Также вполне вероятно, что многие интенции СМД-методологии еще будут востребованы, войдя так или иначе в представление о человеке будущего, для которого логико-методологическая основа, если обратиться к ряду футурологических работ, должна стать базовой характеристикой на новом витке эволюции. Популярные идеи о «революции человеческих качеств» также могут быть реализованы через процедуры СМД-методологии. Фактически это будет означать возвращение на новом уровне к идеям К. Маркса. Г.П. Щедровицкий не был постмарксистом. Но, возможно, он проложил постмарксизму широкие столбовые пути.

Необходимо отметить, что изучение теоретического наследия Г.П. Щедровицкого еще только начинается. Общее место исследовательских работ – признание заслуг автора СМД-методологии в разработке проблем логики и методологии в отечественной философской науке, которая вызвала к жизни «методологический бум» 1990-2000-х гг., поиск теоретико-методологических основ в самых разных сферах научного знания [2]. Но в постижении феномена СМД-методологии при

всем обилии исследовательской литературы еще не выявлен ряд ее базовых концептов, опираясь на которые можно было бы провести всестороннее научное описание и глубокий научный анализ трудов Г.П. Щедровицкого [3]. Единства нет даже по вопросу их идейно-теоретических истоков, которые одни решительно определяют как марксистские, а другие столь же решительно как немарксистские, хотя здесь не может быть предмета для спора. Г.П. Щедровицкий многократно и публично говорил о себе: «Я – марксист». Точно так же на периферии исследовательского зрения находятся и философско-антропологические разработки СМД-методологии. Более того, их довольно часто объявляют несуществующими, называя концепцию Г.П. Щедровицкого «бессубъектной» [24]. Собственно даже в стане ближайших последователей основателя Московского методологического кружка до сих пор не была инициирована соответствующая дискуссия, если не считать доклада В.П. Даниловой, не прояснившего, к сожалению, проблемы человека в наследии Г.П. Щедровицкого [7]. Отдельные указания на философскую антропологию, заложенную в СМД-методологии, можно найти лишь в работах Н.И. Кузнецовой и Т.И. Ойзермана [13, с. 104]. Так, по иронии судьбы, большинство современных ученых проходят мимо одной из тем, являвшейся основополагающей для Г.П. Щедровицкого, идентифицировавшего себя прежде всего как антропотехника, конструктора «новых людей» – интеллектуальной элиты XXI в.

Список литературы

1. Бабайцев А.Ю. СМД-методология // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / главн. науч. ред.и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ, Минск: Харвест, Современный литератор, 2002. С. 702–705.
2. Бондарева Я.В. Теоретико-методологические основы русской религиозной философии: историко-философский анализ. Дисс. ... уч. ст. доктора филос. наук: 09.00.03 - история философии. М., 2011. 325 с.
3. Георгий Петрович Щедровицкий / под ред. П.Г. Щедровицкого, В.П. Даниловой. М.: РОССПЭН, 2010. 600 с.
4. Голомшток И.Н. Воспоминания старого пессимиста: о жизни, о людях, о стране // Знамя: литературно-художественный и общественно-политический независимый журнал. 2011. № 3. С. 155–180.
5. Гринько В.С. Проблема человека в работах А. Грамши // Философские науки. 1983. № 2. С. 90–98.
6. Гусейнов А.А. Гуманистический контекст философии российских шестидесятников // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / под ред. В.А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 2014. С. 7–22.
7. Данилова В.Л. Проблема человека в наследии Г.П. Щедровицкого // Чтения памяти Г.П. Щедровицкого 2004-2005 г.г./ сост. В.В. Никитаев. М.: Фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2006. // Некоммерческий научный Фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/chteniya/x/materials/4> (дата обращения: 09.03.2017).

8. Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М.: ИФ РАН, 2002. 321 с.
9. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении / сост., предисл., библиогр. А.Г. Новохатько. М.: РОССПЭН, 1997. 468 с.
10. Исмаилов Д.З. О школе праксиса // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 3. С. 902–905.
11. Крылов К.А. Памяти Александра Зиновьева // Zinoviev.Info – Творческие и интеллектуальные проекты зинovieвского сообщества в России и мире. [Электронный ресурс]. URL: <http://zinoviev.info/wps/archives/231> (дата обращения: 09.03.2017).
12. Кузнецова Н.И. Философия в советском андеграунде: практики выживания // Высшее образование в России. 2016. №5 (201). С. 80–91.
13. Кузнецова Н.И., Ойзерман Т.И. Кастальский ключ Г.П. Щедровицкого // Вопросы философии. 2009. № 2. С. 103–112.
14. Ладенко И.С. Интеллект и логика. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1985. 144 с.
15. Лебедев В.П. Подозрительные игры людей // *Чайка – Seagull. Литературно-художественный альманах*. 24 сентября 2004 г. № 18 (19) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chayka.org/node/310> (дата обращения: 09.03.2017).
16. Лекторский В.А. Философия России второй половины XX в. как социально-культурный феномен // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / под ред. В.А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 2014. С. 23–41.
17. Лифшиц М.А. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003. 368 с.
18. Мамардашвили М.К. Записи в ежедневнике (Начало и середина 80-х гг.) // Мамардашвили М.К. Необходимость себя: Лекции. Статьи. Философские заметки / под общей ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Лабиринт, 1996. 432 с.
19. Мотрошилова Н.В. Отечественная философия 50-80-х годов XX века и западная мысль. М.: Академический Проект, 2012. 376 с.
20. Никитаев В.В. Философия и власть: Георгий Щедровицкий (последний проект модерна) // Методология науки: статус и программы. М.: ИФ РАН, 2005. С. 125–176.
21. Перепрочтение Маркса. Фрагмент стенограммы обсуждения статьи Луи Альтюссера. Выступление Мераба Мамардашвили // Встреча: Мераб Мамардашвили – Луи Альтюссер. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2016. С. 46–54.
22. Подорога В.А. Проект и опыт. Г.П. Щедровицкий и М.М. Мамардашвили. Сравнительный анализ стилей мышления // Подорога В.А. Апология политического. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. С. 194–266.

23. Силич Т.А. К вопросу о новизне компетентностного подхода, или о философском наследии Г.П. Щедровицкого в осмыслении проблем современного образования // Труды СГА. Вып. 2 (февраль). Юриспруденция. Образование. Психология. Экономика. Социология. Философия. М.: Издательство СГУ, 2011. С. 68–75.
24. Слободчиков В.И. О нормативном статусе учебной деятельности (логико-психологический анализ) // Развивающее образование: Нерешенные проблемы развивающего образования: в 2 т. М.: АПК и ПРО, 2003. Т. 2. С. 29–43.
25. Устинов О.А. «Бухаринская альтернатива». Философско-антропологические доминанты в «Тюремных рукописях» Н.И. Бухарина // Свободная мысль. 2016. № 4. С. 97–104.
26. Шинкарь Ю.С. «Праксис» («Praxis») // Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. 3-е изд., исправл. Минск: Книжный Дом, 2003.
27. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Школа Культурной Политики, 1995. 800 с.
28. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология (курс лекций) // Из архива Г.П. Щедровицкого. М., 2000. Т. 4. 384 с.
29. Щедровицкий Г.П. СМД-подход и основные проблемы науки и человека в XX веке // Щедровицкий Г.П. Московский методологический кружок: развитие идей и подходов / Из архива Г.П. Щедровицкого. М.: Путь, 2004. Т. 8. Вып. 1. С. 11–239.
30. Щедровицкий Г.П. Технология мышления // Некоммерческий научный Фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/7> (дата обращения: 09.03.2017).
31. Щедровицкий Г.П. Я всегда был идеалистом... М.: Путь, 2001. 323 с.
32. Щедровицкий Г.П., Розин В.М., Алексеев Н.Г., Непомнящая Н.И. Педагогика и логика: сб. М.: КАСТАЛЬ, 1993. 416 с.
33. Щедровицкий П.Г. Исторические и логические заметки к программе содержательно-генетической логики и СМД-методологии // Материалы I Методологического конгресса (20-21.03.1994 г.) // Некоммерческий научный Фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/collections/archive/s1994/1d/utro/1> (дата обращения: 09.03.2017).

**G.P. SHCHEDROVITSKY'S SMD-METHODOLOGY AND SOVIET
PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL THOUGHT OF
THE 60-80-IES OF THE XX-TH CENTURY**

O.A. Ustinov

Academy of Advanced Training & Professional Retraining Of Education
Specialists, Moscow

G.P. Schedrovitsky is an outstanding Soviet philosopher, leader of the Moscow Methodological Circle and creator SMD-methodology, a brilliant representative of the history of Soviet philosophy of the second half of the XX-th century. Currently, his theoretical legacy is in the process of systematization and analysis conducted by researchers of different orientations. In this article, SMD-methodology is regarded as praxis version of Marxism. The author believes that the SMD-methodology is focused on the development of Marx theoretical approach to the socio-creative essence of man on the logical and methodological levels. Schedrovitsky's philosophical and anthropological project is studied in its entirety with the emphasis on the explicit and implicit conceptual content of his scholarly works and their popular presentation. The understanding of «the anthropological code» in the works of G.P. Shchedrovitsky should allow to conduct in the future the most adequate analysis of SMD-methodology and evaluate its significance as an organic part of the XXI century complex of socio-humanitarian knowledge of the person under the conditions of post-industrial society. It is evidently already in active use in the contemporary Russian pedagogy exploring the validity of G.P. Shchedrovitsky's ideas taken as philosophical foundations of competence (activity) paradigm.

Keywords: *philosophy of Marxism, Moscow methodological circle, SMD-methodology, philosophical and anthropological project, the problem of human praxis, man as totality, individuality, personality, socialization, social and historical practice, competence approach in education.*

Об авторе:

УСТИНОВ Олег Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии образования и науки ФГАОУ ДПО «Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования», г. Москва. E-mail: olustinov@rambler.ru.

USTINOV Oleg Alexandrovich – Ph.D., Assoc. professor of the Dept. of History and Philosophy of Education, Academy of Advanced Training & Professional Retraining Of Education Specialists, Moscow. E-mail: olustinov@rambler.ru.